

мов в Сирии, Ливии и ряде других стран является предупреждением, закономерностью? Будем ли мы наблюдать нечто подобное на следующем этапе развития в других странах?

— Исходя из моей концепции, это, скорее всего, противоположный ход несчастья, агония. Инициированное падение ливийского, сирийского, египетского режимов — это агония старой Англии, а за ней и современной Америки, которые на чужой беде пытаются продлить свое безмятежное существование. Нет, это не успех, это узаконенное мировое мошенничество.

Я понимаю, что и сирийский, и ливийский, и египетский режимы — диктаторские и зарвавшиеся. Они людям не то, что не отдавали то, что им положено, они их угнетали безнадежными перспективами, что так будет всегда. А люди не стали более терпеть. Этим и воспользовались ливийские наемники и международные французские и английские мошенники.

— Почему после перестройки народ в России не достиг желаемого?

— Потому что победил не народ, а компраторский сброд. К сожалению, русские и представители других национальностей России думали, что свергнут Горбачева, свергнут мерзкие порядки, прогонят коммунистических компраторов — и придет демократия. Ничего подобного не вышло. В результате получили во многих отношениях еще большее безобразие.

Тогда пайки для 100 тысяч советских руководителей всех рангов и особенно для 12 тыс. избранных партократов центральных комитетов КПСС были мерзостью в бедной стране, которая кичилась справедливостью, равенством, одинаковым доступом ко всему, в том числе к нарядной одежде и вкусной еде. Но ничего этого не было. И люди справедливо решили: зачем им поддерживать этот лицемерный и перерождающийся строй? Они думали, что тот строй, который придет, избавит их от пайков, от пустых полок в магазинах.

Избавились? Нет. Взамен пустых полок получили пустые карманы. Полки есть, а 90% людей не могут позволить себе ничего купить. Они ходят, смотрят, примеряются, а купить не могут. Для людей осталась та же самая пустая полка, которая теперь недоступна с другого боку. И это, быть может, еще большая беда, если не трагедия.

— Что Вас разочаровало больше всего?

— Бездарное распоряжение ресурсами, полученными нынешней властью в результате распада СССР. Нынешняя Россия — это большая потемкинская деревня. Не поддержав ГКЧП, люди не эту потемкинскую деревню хотели видеть, не такую страну и не такие порядки, и не такую власть, которая по преимуществу является властью тьмы имеющих деньги, а не властью для людей.

Что в моем понимании является властью? Власть — это избранные народом люди, которые хотят делать какое-то благо не только для себя лично, но и для других, при-

чем не только хотят, но и могут. Это должна быть лучшая часть людей, их собрание и называется властью, а сам институт собрания — государством. Но где в России мы видим такую власть?

— Почему в других странах богатых людей не называют олигархами? Чем наши богатые отличаются от богатых людей других стран?

— Не называют, потому что там во власти по преимуществу не

Режим, который стоит спиной к человеку, рушится. Если Китай (впрочем, как и мы), не поменяет структуру и стиль огульных отношений к человеку, то он рухнет.

богатые люди стоят. Ни миллиардер Гейтс, ни Баффет во властные структуры не лезут. Не хотят и даже побаиваются, потому что не уверены, что они так же хорошо, как делают деньги, смогут делать, накапливать и распространять блага для людей. Созидание благ и бизнес — это вещи совершенно разные. И люди, которые это делают, совершенно разные.

А у нас человек, который заимел деньги, не одержим стремлением сделать что-то для других людей. Потому что деньги-то заимел совершенно случайно или мошенническим образом, а не оказался самым умным, предпринимчивым и честным.

К сожалению, богатые у нас, не в пример старой России, — это по преимуществу маловоспитанные, слабо образованные, а главное чуждые народу люди, которые, быть может, и полны стремлением делать благо для других, да Бог не дал: не умеют и, стало быть, не могут. Но Бог не дал и гораздо более простого: милосердия, готовности пожертвовать хотя бы половину сомнительного своего богатства на благо всего общества. Хотя бы для того, чтобы нуждающиеся не осуждали. И поэтому, видя все это, в народе все громче раздаются голоса: мы ошиблись, потому что думали, что придут предпринимчивый человек и власть, которые хотя бы на начальном этапе своего господства будут работать на благо людей, а не примутся за старое. Но, по-видимому, не только наши олигархи, но и наша власть, кроме как делить и присваивать, ничего другого не могут.

Так дальше общество не может развиваться. Если не ремонтируются дорожные и коммунальные сети, заводы и фабрики — они взорвутся, трубы лопнут и это может произойти в одну из зим.

Причем, случись катастрофа в одном или двух городах, можно напрячься и исправить, а когда в сотне или в тысяче городов и сел одновременно?

— Что может изменить нынешнее удручающее настроение в обществе?

— Власти нашей надо учиться созидать. И олигархов к тому же призывать. Нужно вернуться к изначальной общественной (земской) формации, зародившейся в России еще в XVI-XVII веках, когда вводились узнаваемые местные законы и человек работал и

видел сам, как обеспечивал свое существование, как окормлял государство и как государство в лице общины, членом которой он зримо состоял, окормляло его.

Любой авторитарный режим (в том числе и китайский), который поворачивается лицом к человеку, если он ориентирован на перспективу, рано или поздно приходит к этому. И напротив, режим, который стоит спиной к человеку,

рушится. Если Китай (впрочем, как и мы), не поменяет структуру и стиль огульных отношений к человеку, то он рухнет.

Ну, не через 20, так через 40 лет. И ничего хорошего там не будет, потому что жестко, на кибернетическом уровне, чисто механически поддерживая дисциплину, компартия выправит из своего общества

Протест против отъема земли. Провинция Хайнань. Сентябрь 2011 год

самых талантливых, самых дерзких, самых одаренных людей и останется с растительным примитивом, как осталась КПСС 20 лет тому назад у нас.

А беда в Китае будет двойная, потому что Китай как азиатская страна с азиатской безжалостной дисциплиной и безликим менталитетом, на своей громадной биомассе долго не просущество-

она выхолощена безжалостно. Не приведи Господь, я не хочу Китай сравнивать с фашистской Германией, но рано или поздно, если подход не менять, то там мы получим несколько обогороженный коммунистический фашизм. А это еще страшнее, чем германский фашизм.

И в Китае есть люди, в том числе китайские диссиденты, которые как раз об этом говорят: бойтесь именно этого и не верьте властям, культивирующим обезличенную культуру, опасайтесь их. У меня мало доказательств, но мне как ученому кажется, что такая опасность — самая страшная, из всех, что угрожают Китаю. И там уже ничего не поможет: ни высокие темпы роста, ни зарплата.

Тем не менее, Китай сегодня как однородное и монолитное общество имеет огромные преимущества и резервы, которые во всех других странах, в том числе в России, всякого рода разночницы и диссиденты давно профукали. Китай — это действительно и по-настоящему государство, дру-

гие страны — это скорее, территории, чем государства. Или как США — большие полицейские участки. И в этом смысле Китай может двигаться гораздо быстрее по сравнению с другими странами, где в приоритете — выгода отдельно взятого индивидуума, а не всеобщая национальная идея.

Плохо, конечно, что в Китае нарушаются права человека. Плохо,

первого секретаря ЦК КПК, который так далеко не видит. От всего этого китайский народ только теряет. И вряд ли можно полагать, что он этого хочет.

— Знаете, в чем парадокс? Чем больше у человека власти, тем сильнее страх потерять ее.

— Потому что власть видит эти грехи. Она способна стричь под одну гребенку, а надо «стричь» людей по-разному так, как они хотят. Государства, которые это культивируют и делают, продвигаются вперед быстрее. Но при этом важно не потерять самого себя, не продать черту души.

Если у меня плохой характер и я начну культивировать в себе хороший характер и нравиться всем, то меня уже не будет. И такой я ничего не сделаю даже для себя. Но проявляя характер, который очень многим может и не нравится, я сделаю многое. Конечно, за характер нужно дорого платить. И все личности в истории платили. Если бы не так, они все были бы одинаковые. Богатство — в разнообразии. Все люди разные и все страны разные. Нужно принимать другого таким, какой он есть. И сохранять это, и поощрять это.

И высший секрет Китая, на мой взгляд, как раз в этом. Китай, несмотря на внешнюю униформу, сохранил разнообразие. Почему? Еще и потому, что здесь очень сложно не только уничтожить, но даже подавить его. В Китае давят, например, уйгуров или тибетцев, но не могут подавить очень многочисленное китайское крестьянство. Еще меньше шансов уменьшить градус разнообразия китайских ремесленников и торговцев, их изобретательность, ловкость, способность к выживанию. Отбери у китайца все то, что он имеет сегодня в стократном размере, он все равно выживет. Китайца держит на плаву инстинкт, а не богатство. Инстинкт у него не только в крови, заложен в генах, инстинкт — это его религия, которую можно истребить только вместе с ним. Ресурс китайца десятикратно выше ресурса любого другого человека. Чтобы выжить в современном противоречивом, развратном и больном мире, надо быть китайцем.

Так что объективно в Китае с угрозами попрания и уничтожения фундаментальных прав человека далеко не все так плохо. Другое дело, что Китай на фоне всеобщей эйфории, на фоне фанатичного стремления все унифицировать и формализовать, на фоне победы любой ценой, убивает многие творческие порывы, калечит многих людей, губит многое из того, что нужно сохранять, пускает людей на запчасти. Это беда на уровне кармы, за которую Бог наказывает. Поэтому современному истеблишменту Китая надо коренным образом меняться. А пока здесь многое шатается и строится на несчастье.

Ульяна КИМ

Печатается с сокращениями.

Полный текст:

<http://www.epochtimes.ru/content/view/52860/54>